Словесность и история. Журнал филологических и историко-культурных исследований
Словесность и история. 2026. № 1. С. 98–114
https://doi.org/10.31860/2712-7591-2026-1-98-114
Научная статья

Д. М. Буланин

ЛИТЕРАТУРНАЯ ПРЕДЫСТОРИЯ СОБОРА 1553–1554 ГГ. (МОСКОВСКИЕ ОТГОЛОСКИ ВИЗАНТИЙСКОЙ ИСТОРИОСОФИИ)

Texts and History. Journal of Philological, Historical and Cultural Studies
Slovesnost' i Istoriia, no. 1, 2026, 98–114
ISSN 2712-7591 (Print), ISSN 3034-4514 (Online)
Research Article

Dmitrii M. Bulanin

LITERARY PREHISTORY OF THE COUNCIL OF 1553–1554 (MOSCOW ECHOES OF BYZANTINE HISTORIOSOPHY)

Резюме. В 1504 г. в Москве расправились с еретиками, так называемыми «жидовствующими». Тем не менее в течение XVI в. созывали еще несколько церковных соборов на еретиков, им неизменно приписывали уклонение в иудейскую веру. Выясняется, что этим судилищам придавали главным образом символическое значение. Смысл их заключался в том, чтобы упрочить позиции русской церкви в модели «священного царства», которым объявила себя Московская Русь. Несмотря на отсутствие реального антагониста, соборам предшествовала тщательная литературная подготовка. Ее брали на себя выдающиеся писатели — Иосиф Волоцкий и митрополит Даниил. Анализ литературного наследия Максима Грека позволяет прийти к выводу, что инициаторы собора 1553–1554 гг. предполагали сделать идеологом своего мероприятия именно его. Хотя он получил приглашение участвовать в соборе лично от царя, Максим Грек отказался от такой чести, опасаясь, что его самого запишут в еретики.
Ключевые слова: еретики, иудейство, священное царство, диспуты, типологическая экзегеза.
Информация об авторе: Буланин Дмитрий Михайлович, доктор филологических наук, главный научный сотрудник ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН (Санкт-Петербург), dmitriibulanin@yandex.ru; ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-5480-7964.
Для цитирования: *Буланин Д. М.* Литературная предыстория собора 1553–1554 гг.: (Московские отголоски византийской историософии) // Словесность и история. 2026. № 1. С. 98–114. https://doi.org/10.31860/2712-7591-2026-1-98-114

Abstract. The heretics named 'Judaizers' by their persecutors were executed in Moscow in 1504, although it is not easy to recognize the Jewish element in their heretical deeds. Nevertheless, during the 16th century it proved to be necessary to organize new church councils (in 1525, 1531, 1549, 1553–1554, 1582) against heretics, who were also labeled 'Judaizers'. The author of the article points out that as before in Byzantium, such battles against presumed heretics in Moscow were mainly symbolic in nature. Their purpose was to strengthen the position of the Russian Church within the ideological construct of the "sacred tsardom" that Muscovite Rus declared itself to be. Notwithstanding the absence of a real antagonist, careful literary preparations paved the way for the councils. These preparations were made by outstanding writers, such as Iosif Volotskii and Metropolitan Daniil. An analysis of Maxim the Greek's literary activity allowed the author to conclude that the initiators of the council of 1553–1554 planned to make Maxim the ideological proponent of their undertaking. Although Maxim the Greek received a personal invitation from the tsar he did not want to be involved in the council since he feared that he would be branded as a heretic.
Keywords: heretics, Judaism, sacred tsardom, disputes, typological exegesis.

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution-NonCommercial-NoDerivatives 4.0 International

Information about the author: Dmitrii M. Bulanin, D. Sc. in Philology, Institute of Russian Literature (Pushkinskii Dom) of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia, dmitriibulanin@yandex.ru; ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-5480-7964.
For citation: Bulanin, D. M. (2026). 'Literary Prehistory of the Council of 1553–1554 (Moscow Echoes of Byzantine Historiosophy)', *Slovesnost' i Istoriia* [*Texts and History*], 1, 98–114.

Историю борьбы с так называемыми жидовствующими завершают рассказом об осуждении и казни ересеначальников в конце 1504 г. Но давно замечено, что обвинения, которые предъявили распространителям «нового» (по определению Зиновия Отенского) учения на московских соборах середины XVI в., буква в букву воспроизводят список преступлений, приписанных «жидовствующим» [Казакова, Лурье, с. 223]. В чем же скрыта непотопляемость «жидовская мудрствующих», позволившая им возродиться спустя полвека? Прямолинейное объяснение — попытка выявить генезис ереси, исходя из ее названия, — уводит в сторону. Обладающее для историков магической силой прозвище «жидовствующие», которым наделили вольнодумцев их обличители, не имеет непосредственного отношения к еврейству ни в каких его видах и формах. Оно не связано с этническим признаком и не касается языка. Даже с подлинной иудейской религией, о которой на Руси имели смутные представления, оно прямо не соприкасается. Для того чтобы разобраться в феномене «жидовствующих», нужно, во-первых, понять специфику того исторического момента, когда блюстители чистоты православия обнаружили в лоне церкви религиозных диссидентов, во-вторых, объяснить, почему блюстители соотнесли новонайденную ересь с иудейской религией.

Превращение удельного Московского княжества в Московское царство, претендующее на сакральный статус, определило ведущие тенденции в развитии русской церковно-политической культуры конца XV — XVI в. Москва рассматривала себя как последнюю твердыню православия, а великого князя и царя как уполномоченного Богом защитника истинной веры. Такое понимание своей провиденциальной миссии требовало идеологического и конфессионального обоснования, которым занимались выдающиеся деятели религиозной культуры. Идеологическое строительство в значительной мере заключалось в репродуцировании на местной почве образцов, восходящих к павшей Византийской империи. Москве предстояло перенять ее атрибуты. Наиболее важным элементом византийского наследия, подлежавшим адаптации, было представление о религиозной природе империи, что санкционировало верховенство василевса, или царя, помимо государственной сферы, также и в религиозной. Правитель «священного царства» был подлинным главой церкви (цезарепапизм), которую ему надлежало оборонять от внешних и внутренних врагов. Поэтому победа над ересью трактовалась в Византии как первейшая

добродетель, украшающая василевса. Это подчеркивали панегиристы. Анна Комнина, дочь императора Алексея I Комнина, приравнивала труды отца по искоренению манихеев к его воинским подвигам («Алексиада», XIV, 8). Ересь, зародившаяся на Руси, проецируется на византийские стереотипы: «жидовствующие» появились в те именно годы, когда Москва взялась за разработку парадигмы «священного царства», и в том именно городе (Новгороде), который недавно и не без труда удалось подчинить этому царству. Неверно вместе с тем думать, что новгородская ересь есть от начала до конца выдумка ее обличителей. В Средние века не занимались провокациями на почве религии. Достаточно сказать, что в соответствии с идеологическим заказом церковные власти обратили внимание на единичные аномалии в жизни и высказываниях духовенства, которые при другой ситуации остались бы незамеченными.

Но почему в открывшейся в конце XV в. ереси усмотрели связь с иудейским Законом? Ответ и в этом случае подсказывает история Византии. Восточнохристианская литература, питавшаяся мыслью святых отцов, накопила богатый опыт устной и письменной полемики с иудеями. Противостояние христианства вере Моисея принципиально отличается от взаимных отношений христианства и прочих конфессий. Новозаветное откровение неотделимо от того, о чем извещали ветхозаветные книги, ибо явление Спасителя означало, с одной стороны, отмену установленных в этих книгах религиозных норм, с другой стороны, реализацию заключенных в тех же книгах мессианических пророчеств, смысл которых не поняли иудеи. Таким образом, иудейская религия как бы вживлена в христианскую, построенную на отрицании ее законоположений и одновременно на раскрытии заключенных в ней истин, недоступных профанам. Спор с верными служителями Закона вечен, составляя неотъемлемую часть христианского исповедания, его самоутверждения в оппозиции к религии отверженных. Это противостояние носит все признаки экзистенциального, как подчеркивает Ж. Дагрон, по природе своей оно не имеет разрешения. Всеобщее обращение иудеев невозможно, потому что оно было бы равносильно финалу обеих религий — как иудейской, так и христианской. Развязка откладывается до Второго пришествия [Dagron]. Спор с иудеями оставался в силе, даже если оппоненты существовали только на страницах книг. Поэтому в русской письменности, выросшей на корнях византийской (обычно при посредничестве южнославянской), находилось в обращении большое количество текстов, обличающих веру сынов Израилевых, между тем как найти на просторах Руси этих самых сынов было не так-то просто [Pereswetoff-Morath].

В византийской, а вслед за ней и в славянской литературе иудейская религия рассматривалась как главный питательный источник лжеучений и ересей.

Согласно распространенной легенде, иудей вместе с еретиком-христианином наставляли в вере пророка Магомета, уклонившимися в иудейство считали дохалкидонские церкви, включая армянскую, пагубным влиянием иудеев православные объясняли отличия в обиходе католической церкви (субботний пост, причащение бесквасным хлебом). К иудеям приравняли иконоборцев на Седьмом Вселенском соборе, что особенно показательно, так как Седьмой собор в каком-то смысле подводил итоги предыдущих. Отождествление иконоборцев и иудеев указывает на то, где проводили разделительную черту между двумя религиями — ветхозаветной и новозаветной. Адепты первой утратили свой жребий избранного народа, потому что не признали высшей тайны, открытой Евангелием, — тайны Боговоплощения. Непостижимое разуму чудо Вочеловечения вселяло веру в возможность обóжения, и эта вера стала той идеей, на которой воздвигнута вся христианская картина мироздания, попранная, как утверждали иконодулы, их противниками через ревизию сложившихся в церкви принципов в изображении и почитании невообразимого. Православная церковь восстановила иконопочитание, с той поры отступления от канонов, обоснованных богословами-иконодулами (Иоанном Дамаскиным, Феодором Студитом и др.) и узаконенных Седьмым собором, неизбежно навлекали на отступников подозрения в иудействе. Оно превратилось в некую универсалию для обозначения любых суждений, которые несли подлинную или мнимую угрозу догматике православной церкви.

На протяжении истории христианства в его недрах рождалось много учений, объявленных церковью ересями. Но доступные русским книжникам сведения о них исчерпывались двумя статьями Кормчей книги (Епифания Кипрского и Тимофея Константинопольского), поэтому слово «иудейство» («жидовство») как родовое понятие в отношении любой неправославной конфессии могло укрепиться на Руси еще более прочно, чем в Византии. На начальном этапе знакомства со смутьянами, объявившимися среди новгородского духовенства, архиепископ Геннадий вспоминал о маркианских и мессалианских ересях, но потом прочно прикрепившееся к смутьянам прозвище «жидовствующие» вытеснило из употребления другие. Коль скоро крамольники оскверняли иконы, порочили Иисуса Христа и Богоматерь и др., они явно не верили в Боговоплощение. Этого было бы достаточно, чтобы зачислить их в адепты «жидовской» религии.

Но еретики, не довольствуясь речами и бесчинствами, покусились на само Священное Писание. Уже в первом о них известии отмечено, что они «превращали псалмы», т. е. стремились лишить Псалтирь заложенного в ней мессианического содержания. Это было дерзким отрицанием Божественного домостроительства. Проекция Псалтири и пророческих книг Библии на Новый

Завет лежала в основе типологической экзегезы, учившей, что в ветхозаветных событиях и библейских стихах можно разглядеть указания на воплощение Сына Божьего и последующую христианскую историю. Библейская типология задавала алгоритм, который потом распространили на остальные этапы в истории человечества, придав всей модели развития мира необходимую законченность. Согласно получившейся модели, судьба людского рода реализуется в череде сменяющих друг друга типологически родственных царств. Возвышение и гибель очередного царства в общих чертах воспроизводит случившееся с его предшественниками и отражается в судьбе тех, которые за ним последуют. Намеки на начинающийся цикл развития скрыты в предыдущих циклах, а правильное их чередование служит гарантией конечного спасения человечества. Порча еретиками Псалтири, лишая историю цели, вела к отрицанию мудрости Творца, определившего эту цель.

Нечестие вероотступников требовало решительного отклика словом и делом. Предстояло обосновать, с опорой на авторитеты, непреложность догмата о воплощении Бога Слова, но также неумолимую силу типологического принципа в применении к событиям прошлого. При ближайшем рассмотрении выясняется, что значительную часть литературного наследия конца XV — XVI в. можно понять как реакцию на вызов, брошенный церкви «жидовствующими». Акцентируем внимание на символической природе заключенного в этой реакции антииудейского пафоса. Он обусловлен религиозной ориентацией формирующейся идеологии Москвы и не имеет ничего общего с пресловутой юдофобией Ивана Грозного, составляющей часть мифологии, которой окружено имя московского царя. Охранители взялись за перо уже в конце XV в. Не случайно в трудах книжников из окружения Геннадия значимое место занимают Псалтирь (Чудовская транслитерированная Псалтирь, перевод надписаний псалмов, возможно, начало работы над переводом Толковой Псалтири Брунона) и Библия в целом (переводы для кодекса 1499 г.). Реанимируются древние болгарские переводы текстов, касающихся православной догматики (слова против ариан Афанасия Александрийского в переводе Константина Преславского) и библейской экзегезы (Толковые пророки). Последний из памятников, известный на Руси еще в XI в., а потом забытый, вторично включился в литературный процесс в последней четверти XV в. Выявлено не менее двадцати его копий, изготовленных до конца столетия, что свидетельствует о повышенном запросе на тексты подобного рода. В литературе XVI в. одно из главенствующих положений занимают произведения исторической тематики, включая памятники неизвестной прежде композиции (Русский Хронограф, Степенная книга, Лицевой летописный свод), — те, которые наглядно демонстрировали телеологичность исторического процесса.

Противостояние «жидовствующим», их последователям и тем, кто, с точки зрения обвинителей, подпал под иудейское влияние, подразумевало и публичное их всех посрамление. Этой цели служили церковные соборы, которые выстраиваются в цепочку связанных друг с другом процессов. В цепочку входят соборы на «жидовствующих» 1490 и 1504 гг., собор 1525 г. на Максима Грека, 1531 г. — на него же и на Вассиана Патрикеева, 1549 г. — на Исака Собаку, 1553–1554 гг. — на Матвея Башкина с присными, наконец, трижды заседавший собор 1582 г. на Давида, архиепископа Ростовского, которого, согласно рассказу о соборе, поддержал папский посланник Антонио Поссевино. Чтобы выявить антииудейскую направленность соборов и, соответственно, их связь с новгородскими еретиками, придется отказаться от распространенного в науке одностороннего взгляда на предмет. Неправильно за каждым упоминанием «иудеев», «жидов» и др. искать следы религиозной полемики с иудеями. Например, «сонмище иудейское», как характеризовал Грозный в Послании Курбскому своевольных бояр, лишь отсылает к рассказу Евангелия. Точно так Евфимий Ростовский, назвавший насельников Волоколамского монастыря «не осифляны, но жидовляны», дав им обидное прозвище, не собирался устраивать диспут о вере. Неправильно и другое — исключать из числа антииудейской полемики те прения и те писания, в которых, по разным причинам, вообще не фигурируют слова «иудеи», «жиды» или производные от них. Корректным считаем решение принимать в расчет сами богословские материи, о которых спорят или которые обсуждают герои. Применительно к вечному спору с иудеями — это вопрос о Втором Лице Троицы. Неосторожные выражения, которые пристрастные судьи могли интерпретировать как умаление достоинства Спасителя, сомнения в истинности и полноте Боговоплощения приравнивали автора таких выражений к «жидовствующим».

Определив тот признак, по которому опознается антииудейская тема прений, мы увидим, что он ставится во главу угла среди обвинений, предъявлявшихся проштрафившимся. Судные списки Максима Грека открываются констатацией того, что подсудимый говорил и писал, будто «сидение Христово одесную Отца мимошедше и минувшее». Впоследствии возник вопрос о «хулных строках» в переводе Жития Богоматери, бросающих тень на непорочное зачатие Сына Божьего. Отрицая свое участие в преступлении, обвиняемый сам признает, что это «ересь жидовская» [Судные списки, с. 90, 100–104]. Главным прегрешением Вассиана являлись легкомысленные суждения о соотношении в Спасителе божественного и человеческого начала — «нетленномнимая» ересь [Казакова, с. 287, 298]. Собор 1549 г. был связан с неканоническим поставлением обвиняемого, но в ходе разбирательства

вспомнили и о заблуждениях Максима Грека, вместе с которым в 1531 г. осудили работавшего с ним и с Вассианом Патрикеевым Исака Собаку. Согласно Соборной грамоте, извещающей о вердикте собора 1553–1554 гг., первейшая вина осужденных заключалась в хуле на Иисуса Христа — будто они «неравна Его Отцу поведают» [ААЭ, с. 250]. Учение о Боговоплощении пересматривается в еретических речах Давида Ростовского, религиозные представления которого Н. Марчалис сопоставляет с реформационными течениями [Марчалис 2016]. Заметим, что сторонники Реформации с самого ее начала уподоблялись иконоборцам, а тех, как мы знаем, еще в Византии считали обратившимися в иудейскую веру.

Помимо предметов вероучения, обсуждавшихся на соборах, их объединяют некоторые внешние признаки. В соборах принимали участие великие князья и цари, подтверждая тем самым свой статус главы церкви, в чем нельзя не увидеть реплику византийского императорского культа и принятых в Восточной империи процессуальных норм. Правда, Василий III отсутствовал на заседаниях собора 1531 г., вероятно, из-за того, что ответчиком выступал Вассиан Патрикеев, бывший у самодержца еще недавно «великим временным человеком». Собор на Исака Собаку, по разумению Ивана IV, он имел право игнорировать из-за ничтожности предмета разбирательств, объявив заседавшим, что «то де дело ваше, святителское» [Судные списки, с. 132]. Соборы на первых «жидовствующих» нужно обособить по другому признаку. В отличие от сложившейся потом практики, в прения с еретиками иерархи не вступали, руководствуясь рекомендациями архиепископа Геннадия («жечи да вешати»), которые тот, в свою очередь, взял из практики католической церкви. Не случайно «Приговор» о соборе 1490 г. находится в той же рукописи, что и записанный Геннадием рассказ об инквизиции. Что еще бросается в глаза при знакомстве с доступными нам сведениями о соборах, так это несоответствие грандиозных масштабов сошедшегося для церковного суда синклита и камерностью осужденных синклитом еретических движений. В самом полном списке анафематствования «жидовствующих» перечислено всего 43 имени [Алексеев, с. 277]. К собору на Максима Грека и Вассиана привлекли нескольких человек — работавших с ними писцов, келейников, ближайших собеседников. В рассказе о соборе на Давида Ростовского, малодостоверном и входящем в сложившуюся позднее подборку текстов, не упоминается ни о каких подельниках вольнодумца, если не считать явно не подходящего на эту роль Поссевино [Емченко, Курукин].

Имеющиеся факты говорят о том, что антииудейские баталии носили в Москве XVI в. исключительно символический характер. Они велись с умозрительным противником, смысл их заключался не в искоренении угрожаю-

щих православию еретиков, а в том, чтобы упрочить позиции русской церкви в модели сакральной державы. Но жертвы судилищ были никоим образом не умозрительными, поэтому при столкновении пропагандистского по своей сути мероприятия с действительностью порой возникали парадоксальные ситуации. Так случилось, сколько мы можем судить по уцелевшим скудным данным, с собором 1553–1554 гг. Создается впечатление, что обвинение начало разваливаться, не успели заседания начаться. Один из главных фигурантов, бывший Троицкий игумен Артемий, решительно заявил: «Ныне еретиков нет, и в спор никто не говорит» [ААЭ, с. 253]. Потом дьяк Иван Висковатый выступил со встречным обвинением в адрес митрополита и его ставленников, причем в своих доводах в защиту миметического иконного письма он, в отличие от своего оппонента, отстаивавшего аллегорическую живопись, крепко держался традиций, закрепленных Седьмым собором. Сколь опасным врагом для русской церкви был Феодосий Косой, мы вообще не знаем. Историки, усмотревшие в нем самого зловредного из вольнодумцев, черпают сведения из наполненного вымыслами трактата Зиновия Отенского («Истины показание к вопросившим о новом учении»), написанного десять лет спустя после собора, когда адресат обличений давно скрылся в Литве. Дополнительную остроту парадоксу придает то обстоятельство, что собор середины XVI в. планировался как кульминация в идеологической пропаганде по антииудейской линии — той линии, которая, в согласии с другими линиями, формировала образ «священного царства».

Что указывает на существование такого плана? Можно было бы вспомнить, что на те самые годы, когда заседал собор, приходится интенсивная работа над другими «обобщающими» литературными, и не только литературными, предприятиями, отвечающими задачам пропаганды [Буланин]. Существует, полагаем, более важный индикатор того, что собор 1553–1554 гг. задумывался как решающий в антииудейской серии. Отсутствие у обличителей реального антагониста — активного защитника иудейской религии, которого пытались заменить малоубедительными «суррогатами» вроде Максима Грека или Артемия Троицкого, не означает, что таким соборам не предшествовала тщательная литературная подготовка их инициаторов. Подготовка заключалась в поиске того, что написали по вопросу, подлежавшему обсуждению на соборе, наиболее авторитетные богословы Восточной церкви. За подготовку брались начитанные и хорошо владеющие пером русские книжники. Выписки из святоотеческого наследия и подбор аргументов для расправы над «жидовствующими» находились в ведении самого Иосифа Волоцкого. Плоды его трудов составили содержание знаменитой «Книги на новгородских еретиков», или «Просветителя», признанного потомками незаменимым пособием при

полемике с конфессиональными диссидентами. Четыре первые и опорные для замысла книги главы «Просветителя» посвящены догмату о воплощении Спасителя — центральному в противостоянии христиан и иудеев в их вековечном споре.

Усердно трудился и митрополит Даниил. Он прежде собрал доказательную базу против иудейских заблуждений, а потом нашел ей применение в прениях на соборе 1531 г. Установлено, что в параде цитат из классиков восточнохристианской литературы, которые украшают Судное дело Вассиана Патрикеева (точнее, сохранившийся фрагмент памятника), использован круг источников, совпадающий с источниками гл. 5 «Соборника» Даниила, посвященной Боговоплощению. При этом два текста не находятся в прямой зависимости один от другого, но восходят самостоятельно к общему архетипу, который представлял собой цитатник, возможно готовившийся в митрополичьей канцелярии [Даниил, с. 136–146]. «Соборник» соотнесен автором с «Просветителем», совпадая с ним по числу глав, и в том еще, что его смысловое ядро также составляют разделы о Вочеловечении Иисуса Христа. Этому посвящены гл. 5–7, в то время как предыдущие играют роль вступления, а в последующих к вопросам догматики автор больше не возвращается. Одновременно «Соборник» принципиально отличается от книги Иосифа Волоцкого тем, что из него полностью исчезла полемическая интонация.

Возникает вопрос, кто и в какой форме подбирал материалы для собора 1553–1554 гг. Конечно, в распоряжении соборных старцев оставался «Просветитель», критика которого была инкриминирована Артемию, а Кассиана Рязанского за хулу на книгу Иосифа Волоцкого разбил паралич. И все же трудно поверить, что такой энергичный пастырь, как митрополит Макарий, в преддверии представительного собрания иерархов не позаботился, сообразно размаху, присущему другим его литературным и идеологическим мероприятиям, добавить веса в то обвинительное заключение, которому предстояло раскрыть преступления очередной реинкарнации «жидовствующих».

Есть возможность отчасти восполнить отсутствие прямых указаний наших источников. Нужно вспомнить, что в Троицком монастыре доживал свой век Максим Грек, более квалифицированный, нежели местные литераторы, знаток православных писаний и преданий, и что он получил приглашение участвовать в соборе лично от Ивана Грозного. Афонский старец благоразумно отказался от предложенной чести, опасаясь, что его самого запишут в еретики. Отсюда, однако, не следует, что вдохновители собора 1553–1554 гг. (прежде всего митрополит Макарий) не думали загодя о его кандидатуре на роль идеолога, который мог бы обеспечить аргументами будущих церковных судей. Ученый старец не оправдал возлагавшихся на него надежд, что и подвигло

царя обратиться к нему лично и просить, раз уж тот не выступил на соборе, сказать свое веское слово хотя бы в письменной форме: «Ко мне писание пришли на нынешнее злодейство» [АИ, с. 298]. Откликом на предложение, от которого нельзя было отказаться, можно считать странное сочинение с именем Максима Грека под названием «Совет к собору православному на Исака жидовина, волхва, и чародея, и прелестника» (И129)[1]. По поводу того, кто такой загадочный «Исак жидовин», строились разные предположения, но ни одно из них не обеспечено фактами. Л. И. Журова, правомерно связав текст с собором 1553–1554 гг., отметила, что в самом сочинении имя Исаак не упомянуто ни разу. Содержание памятника исчерпывается ссылками на ревностных борцов с «прелестниками» в прошлом и призывом беспощадно расправляться с их новейшими разновидностями [Журова 2022]. Некоторую несогласованность содержания и заголовка можно объяснить тем, что текст снабдили заголовком, когда кому-то потребовалось разделаться с неизвестным нам «Исаком жидовином» и удобно было опереться на авторитет Максима Грека.

Мы не располагаем материалами соборных заседаний, на которых шли прения с новоявленными еретиками. О доводах обвинителей приходится судить по аналогии с другими спорами христиан и иудеев. Полагаем, что, помимо текстов, традиционно привлекавшихся для обличения иудеев, соборные старцы не пропустили и подходящие случаю труды Максима Грека. Кроме «Совета», в котором он сокрушает «Исака жидовина», выделяют еще два писания святогорца против иудеев (И128, И130). Из них особенно важно первое («Слово о Рождестве ⟨...⟩ в том же и на иудея»), потому что оно находится в старшем из авторских собраний сочинений Максима Грека, восстанавливаемом в составе 12 глав. Внутри собрания Слово поставлено во главе комплекса сочинений (гл. 5–9), критикующих противные православной церкви конфессии, чтобы само местоположение текста указывало на религию иудеев как источник прочих зол. И. Шевченко доказывает, что это Слово первоначально было написано стихами на греческом языке, как и следующее за ним Слово «на еллинскую прелесть» (И131) [Ševčenko, p. 56–58]. В других своих словах Максим Грек ополчается на иконоборцев (И149), армян (И145) и лютеран (И148), т. е. на всех, чьи лжеучения выводились в то время из иудейской религии. Прежде в число слов писателя против лютеран записывали, кроме указанного, еще четыре текста. Один из них (И146) компилирован на основе гл. 6 классического антииудейского пособия — «Просветителя» Иосифа Волоцкого — и задним числом помещен

[1] Здесь и далее (с сиглой И) указаны номера по справочнику: [Иванов].

среди сочинений святогорца [Марчалис 2009, с. 179–190; Журова 2021]. У оставшихся трех (И173, И252, И253), посвященных вопросу о последствиях грехопадения, нет определенного адреса, но вопрос мог быть актуален при диспутах и с иудеями, и с протестантами. Наконец, Максиму Греку уверенно атрибутируется опровержение апокрифа с именем «Феодосиа Евреа» (И170) и перевод, а скорее пересказ, Чуда о спасении Александрийского патриарха Иоакима при его споре с иудеем (И100). Перечисленные тексты свидетельствуют и о значении самой темы в творчестве писателя, и о его репутации как эксперта по этому вопросу.

Противоиудейский заряд в творчестве Максима Грека не исчерпывается сказанным. Заряд распознается на более глубоком уровне. Чтобы дойти до этого уровня, нам придется сначала вернуться к событиям 1516–1518 гг. Тогда, отвечая на просьбу московских властей прислать им «переводчика книжново на время», власти Афона отправили нашего героя в дальний путь, и он благополучно прибыл в русскую столицу. Чем вызван был такой беспрецедентный запрос со стороны Москвы? Есть основания считать, что писателю предстояло продолжить дело Геннадия Новгородского. Тот приложил много сил, чтобы обеспечить русскую письменность отсутствовавшими в ней пособиями, необходимыми для противостояния открывшимся при Геннадии в Новгороде и любым будущим еретикам. С «жидовствующими» в 1504 г. худо-бедно расправились, но Москва ждала продолжателей их ереси и хотела быть во всеоружии. Новгородские еретики начали с того, что пытались внести изменения в Псалтирь. Соответственно, Москве, прежде других книг, нужна была Псалтирь, но с объяснениями каждого в ней слова и с типологическими толкованиями, которые служили бы обороной для церкви в предстоящих схватках с инакомыслящими и одновременно укрепили бы идею «священного царства». Главная задача, поставленная перед Максимом Греком, заключалась в переводе Толковой Псалтири — гигантского собрания катен на текст библейской книги, а в помощники ему дали Дмитрия Герасимова и Власия Игнатова, бывших соратников Геннадия. Писателю поручали и другие переводы, но обратно на Афон он запросился, только завершив работу над Толковой Псалтирью, решив, что на этом закончено его послушание, ради которого он явился на Русь[2]. Никто старца не отпустил, впереди его ждали два соборных процесса и последующее заточение в Волоколамском монастыре. Но даже насильно удерживаемый в Московской Руси, он вновь и вновь возвращался к начальной задаче своей миссии — разъяснить потаенный профетический смысл псалмов. То он предлагал читателю собственные экзегетические опыты по избранным

[2] Ср. о том типе катен, на который опирался Максим Грек: [МакРоберт; MacRobert].

стихам и символическим образам Псалтири (выделяя те из них, которые поддерживали библейскую типологию), то давал краткие объяснения отдельных слов, то делал сводки разных вариантов перевода, а однажды собственноручно переписал текст книги от начала до конца на греческом языке. Наконец, под наблюдением Максима Грека инок Троице-Сергиева монастыря Нил Курлятев подготовил интерлинеарный список Псалтири на греческом (в кириллической транслитерации) и славянском языках. Причем перевод в кодексе Нила существенно пересмотрен в сравнении с тем, который был взят за основу при работе над Толковой Псалтирью и который воспроизводил известную прежде на Руси («киприановскую») редакцию текста [Буланин, с. 56–61].

Сохранилось много указаний, что Максим Грек не ограничился Псалтирью в своих историософских разысканиях. Он ищет скрытое значение в каждом эпизоде и в каждом пассаже Священного Писания, особенно в тех, которые наделены были христианскими апологетами прообразовательным смыслом. В этом отношении интересны стихи из пророческих книг Библии, издавна служивших объектом типологических объяснений. Х. Олмстед показал, что ученый старец, вопреки своему обыкновению обходиться без славянских переводов, многие из которых он считал ошибочными или неточными, включил в сборники собственных сочинений обширный набор фрагментов из упоминавшегося выше древнейшего перевода Толковых пророков [Olmsted]. Писатель не ограничился тем, что собрал вместе эксцерпты из старого перевода, широко разошедшегося в списках в связи с кампанией против «жидовствующих». Он активно пользовался сделанными выписками, цитируя их в оригинальных произведениях, в том числе в полемических, включал в писания, обличающие иудейскую религию. Решение прибегнуть к старому переводу, возможно, было продиктовано желанием автора дать читателям библейские тексты в знакомой им форме. Тот же Х. Олмстед привел аргументы, подтверждающие атрибуцию Максиму Греку перевода Четвертой книги Маккавеев, образ которых типологическая экзегеза устойчиво соотносила с христианскими мучениками [Олмстед]. Писатель не пренебрегал и предсказаниями о явлении Спасителя, которые предание приписывало язычникам. Так, он не раз возвращался к пророчествам Сивиллы, к получившему популярность пророчеству о Христе, будто бы найденному («Хронография» Феофана, 6273 г.) в древнем погребении во Фракии. Типологическая связь между историческими событиями разных эпох просматривается и в других случаях, например в легенде, будто свою мудрость, согласную с христианством, Платон почерпнул из слов библейских пророков.

Итак, миссия, возложенная на Максима Грека афонским начальством, заключалась в том, чтобы утвердить на прочном фундаменте Писания, прежде

всего Псалтири, символическое прочтение истории, которое помогло бы «священному царству» одолеть обещавших вот-вот восстать из пепла «жидовствующих». Как явствует из корпуса его писаний, созданных в годы вынужденного пребывания на чужбине, ученый старец не был простым исполнителем — переводчиком с греческого. Он хорошо понимал, какое место предназначалось для его трудов в развернувшемся на его глазах строительстве идеологии сакральной державы. Не видим повода удивляться тому, что Максим Грек, занимавшийся библейской философией истории в целях обличения иудейской религии, сам стал жертвой обвинений в «жидовстве» на процессах 1525 и 1531 гг. Достаточно вспомнить, во-первых, что еретики на московских соборах XVI в. играли чисто символическую роль, материализация их в конкретной личности совершалась произвольно, сообразно заказу идеологов, во-вторых, что афонский старец в ту пору, за несколько лет своего пребывания в Москве, оказался вовлечен в ее внутренние и небезопасные церковно-политические споры (о каноничности поставления митрополитов). Что касается разоблачения иудеев, то писатель не прекращал размышлять об их заблуждениях и дальше — и в пору жестоких испытаний после осудивших его соборов, и в последние годы жизни, проведенные в менее суровых условиях. В эти годы в глазах управляющих судьбами русской церкви и среди простых книжников старец обладал уже непререкаемым авторитетом.

Страдальцу благоволил митрополит Макарий, вернувший ему причащение Святых Даров, о чем прежде много раз тщетно просил Максим Грек. Предполагаем, что симпатии главы русской церкви к опальному иноку не были совсем бескорыстными. Будучи сам начитанным книжником, Макарий отлично знал эрудицию престарелого писателя и рассчитывал на него как на идеолога в генеральном сражении, которое митрополит решил дать возродившимся «жидовствующим». Вероятно, он надеялся и на личное участие грека в заседаниях. Согласившись с нашим предположением, мы поймем, почему Макарий и люди из его окружения проявляли такой же, как и наш герой, повышенный интерес к Псалтири и к объяснениям ее текста, показывающим иудейскую неправду. В самом деле, во исполнение заказа Макария Дмитрий Герасимов в 1535 г. закончил переводить Толковую Псалтирь Брунона Вюрцбургского, под надзором Макария составлялись Великие Минеи Четии, в августовском томе которых (из Успенского комплекта) толкования к Псалтири разных экзегетов, заботливо собранные вместе, заняли добрую половину кодекса. О внимании к псалтирному тексту и его разъяснениям Благовещенского священника Сильвестра, человека, ближайшего к митрополиту, говорят многочисленные списки библейской книги (с толкованиями и без толкований), входившие в его келейную библиотеку или вложенные им в монастыри.

Среди них упоминавшаяся выше греческая Псалтирь в автографе Максима Грека. Артемий Троицкий, не подозревавший, что в итоге он сам предстанет перед церковным судом в качестве обвиняемого, обзавелся Псалтирью, переписанной тайнописью («полусловицею»). Книга, вместе с материалами собора 1553–1554 гг., хранилась в царском архиве, по-видимому, в качестве улики. Скорее всего, книга использовалась владельцем как филактерий. У нас нет сведений, зачем Нилу Курлятеву понадобился пересмотренный перевод Псалтири с параллельным греческим текстом. Не исключено, что и в этом случае речь идет об изготовлении филактерия. Едва ли случайно трудоемкая работа Нила и Максима Грека была выполнена в канун собора (в 1552 г.)[3]. Тот же Артемий, уже находясь в Литве, принял участие в создании новых, сводных толкований на Псалтирь, в которых акцентировалась антииудейская тема [Калугин].

Каковы бы ни были расчеты тех, кто готовил показательный погром еретиков, на интеллектуальную поддержку их мероприятия со стороны Максима Грека, расчеты эти оказались неверными. Старец, наученный горьким опытом, последовательно уклонялся от какого-либо участия в подобного рода публичных собраниях. Как следует из его посланий, ему не единожды предлагали явиться на новый церковный суд, который бы пересмотрел решения прежних. Писатель, повторяя свою просьбу вернуть ему причастие, все-таки неизменно отказывался от таких предложений: «Суд ⟨...⟩ не прашивал и не прошу, милости прошу» (И247), «суд не прошу, ниже събора, милость прошу» (И250). Для него не было секретом, что в 1549 г. при рассмотрении дела Исака Собаки не преминули вспомнить о тех ересях, за которые осудили его самого. Не стоит удивляться тому, что от участия в соборе 1553–1554 гг. он тоже уклонился. В лаконичной формулировке и в словах, высказанных другому персонажу и по другому поводу, тайные, но небезосновательные опасения Максима Грека объявил во всеуслышание не кто иной, как зазывавший его на собор митрополит Макарий. Глава русской церкви припугнул вздумавшего мудрствовать Висковатого такими словами: «Стал еси на еретикы ⟨...⟩ не попадися и сам в еретикы!»

Литература

ААЭ — Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею Имп. Академии наук. СПб.: Тип. 2-го Отд. Собств. Е. И. В. канцелярии, 1836. Т. 1: 1294–1598 гг. 541 с. разд. паг.

[3] Н. В. Синицына полагает, что именно перевод Псалтири 1552 г. является той «священной книгой», которую, согласно «Предисловию вкратце» Исайи Каменчанина, будто бы «свидетельствовали» на соборе Иван Грозный и Макарий [Синицына, с. 58–59, 90].

АИ — Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. СПб.: Тип. Экспедиции заготовления гос. бумаг, 1841. Т. 1. 551 с.

Алексеев — *Алексеев А. И.* Религиозные движения на Руси последней трети XIV — начала XVI в. М.: Индрик, 2012. 560 с.

Буланин — *Буланин Д. М.* На службе у идеологов Московского царства: (Литература энциклопедий 1520–1570-х гг.) // Социокультурные контексты русской словесности XI–XX вв. СПб.: Росток, 2024. С. 37–123.

Даниил — *Даниил, митр. Московский.* Соч. / Подгот. Л. И. Журова. М.: Индрик, 2020. 848 с.

Емченко, Курукин — *Емченко Е. Б., Курукин И. В.* К изучению публикации «Дела Висковатого» и формирования его состава // Археографический ежегодник за 1983 г. М.: Наука, 1985. С. 68–75.

Журова 2021 — *Журова Л. И.* История слов Максима Грека против Лютера: (В защиту иконопочитания) // Сибирский филологический журнал. 2021. № 4. С. 56–68.

Журова 2022 — *Журова Л. И.* Слова Максима Грека на иудеев в авторских кодексах публициста // Quaestio Rossica. 2022. Т. 10, № 4. С. 1362–1376.

Иванов — *Иванов А. И.* Литературное наследие Максима Грека. Л.: Наука, 1969. 248 с.

Казакова — *Казакова Н. А.* Вассиан Патрикеев и его сочинения. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. 362 с.

Казакова, Лурье — *Казакова Н. А., Лурье Я. С.* Антифеодальные еретические движения на Руси XIV — начала XVI века. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1955. 544 с.

Калугин — *Калугин В. В.* Артемий // ПЭ. М.: ЦНЦ «Православная энциклопедия», 2001. Т. 3. С. 458–462.

МакРоберт — *МакРоберт К. М.* The Greek Source of Maksim Grek's Church Slavonic Catena on the Psalms // Труды Института русского языка РАН. 2021. № 1. С. 223–232.

Марчалис 2009 — *Марчалис Н.* Люторъ иже лютъ: Прение о вере царя Ивана Грозного с пастором Рокитой. М.: Языки славянской культуры, 2009. 376 с.

Марчалис 2016 — *Марчалис Н.* Странная парочка: Антонио Поссевино и архиепископ Давид Ростовский // Труды Института русского языка РАН. 2016. № 3. С. 255–260.

Олмстед — *Олмстед Х.* К изучению библеистики Максима Грека: Перевод Четвертой книги Маккавеев на церковнославянский язык // Археографический ежегодник за 1992 г. М.: Наука, 1994. С. 91–100.

Синицына — *Синицына Н. В.* Сказания о преподобном Максиме Греке (XVI–XVII вв.). М.: Изд-во ПСТГУ, 2009. 110 с.

Судные списки — Судные списки Максима Грека и Исака Собаки / Подгот. Н. Н. Покровский. М.: [б. и.], 1971. 192 с.

Dagron — *Dagron G.* Judaïser // Travaux et Mémoires. Paris: D. Boccard, 1991. T. 11. P. 359–380.

MacRobert — *MacRobert C.* The Multiple-Author Catena on the Psalms Translated into Church Slavonic by Maximus Triboles // Research on Psalter Catenae: Current Trends and Recent Developments. Berlin: De Gruyter, 2024. P. 119–135.

Olmsted — *Olmsted H.* A Learned Greek Monk in Muscovite Exile: Maksim Grek and the Old Testament Prophets // Modern Greek Studies Yearbook. 1987. T. 3. P. 1–73.

Pereswetoff-Morath — *Pereswetoff-Morath A.* A Grin without a Cat. Lund: Lund Univ., 2002. T. 1–2. 316+166 p.

Ševčenko — *Ševčenko I.* On the Greek Poetic Output of Maksim Grek // Byzantinoslavica. 1997. T. 58, No. 1. P. 1–70.

References

Alekseev, A. I. (2012). *Religioznye dvizheniia na Rusi poslednei treti XIV — nachala XVI v.* [*Religious Movements in Rus' in the Last Third of the 19th – Early 16th Centuries*]. Moscow: Indrik Publ., 560 p. (In Russ.)

Bulanin, D. M. (2024). 'Na sluzhbe u ideologov Moskovskogo tsarstva (Literatura entsiklopedii: 1520–1570 gg.)' ['In the Service to the Ideologists of the Muscovite Tsardom (Literature of the Encyclopedia: 1520–1570)'], in: *Sotsiokul'turnye konteksty russkoi slovesnosti XI–XX vv.* [*Sociocultural Contexts of the Russian Literature of the 19th–20th Centuries*]. St. Petersburg: Rostok Publ., 37–123. (In Russ.)

Emchenko, E. B., Kurukin, I. V. (1985). 'K izucheniiu publikatsii "Dela Viskovatogo" i formirovaniia ego sostava' ['To the Study of the Publication of the "Viskovaty Case" and the Formation of its Composition'], in: *Arkheograficheskii ezhegodnik za 1983 god* [*Archaeographic Yearbook for 1983*]. Moscow: Nauka Publ., 68–75. (In Russ.)

Dagron, G. (1991). 'Judaïser', in: *Travaux et Mémoires*. Paris: D. Boccard. T. 11, 359–380. (In French).

Kalugin, V. V. (2001). 'Artemii', in: *Pravoslavnaia entsiklopediia* [*Orthodox Encyclopedia*]. Moscow: Tserkovno-nauchnyi tsentr «Pravoslavnaia entsiklopediia» Publ. Vol. 3, 458–462. (In Russ.)

MacRobert, C. (2021). 'The Greek Source of Maksim Grek's Church Slavonic Catena on the Psalms Rostovskii', *Trudy Instituta russkogo iazyka Rossiiskoi akademii nauk*, 1, 223–232. (In Eng.)

MacRobert, C. (2024). 'The Multiple-Author Catena on the Psalms Translated into Church Slavonic by Maximus Triboles', in: *Research on Psalter Catenae: Current Trends and Recent Developments*. Berlin: De Gruyter, 119–135. (In Eng.)

Marchalis, N. (2009). *Liutor «izhe liut»: Prenie o vere tsaria Ivana Groznogo s pastorom Rokitoi* [*Luther Who Is Fierce: Debate on the Faith of Tsar Ivan the Terrible with Pastor Rokita*]. Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury Publ., 376 p. (In Russ.)

Marchalis, N. (2016). 'The Strange Two: Antonio Possevino and the Archbishop of Rostov David', *Trudy Instituta russkogo iazyka Rossiiskoi akademii nauk*, 3, 255–260. (In Russ.)

Olmsted, H. (1987). 'A Learned Greek Monk in Muscovite Exile: Maksim Grek and the Old Testament Prophets', *Modern Greek Studies Yearbook*. Vol. 3, 1–73. (In Eng.)

Olmsted, H. (1994). 'K izucheniiu bibleistiki Maksima Greka: Perevod Chetvertoi knigi Makkaveev na tserkovno-slavianskii iazyk' ['On the Study of Biblical Studies by Maxim the Greek: Translation of the Fourth Book of Maccabees into Church Slavonic'], in: *Arkheograficheskii ezhegodnik za 1992 god* [*Archaeographic Yearbook for 1992*]. Moscow: Nauka Publ., 91–100. (In Russ.)

Pereswetoff-Morath, A. (2002). A Grin without a Cat. Lund: Lund Univ. Vol. 1–2. 316+166 p. (In Eng.)

Pokrovskii, N. N., ed. (1971). *Sudnye spiski Maksima Greka i Isaka Sobaki* [*The Trial Lists of Maxim the Greek and Isaac Sobaka*]. Moscow, 192 p. (In Russ.)

Sinitsyna, N. V. (2009). *Skazaniia o prepodobnom Maksime Greke (XVI–XVII vv.)* [*Tales of St. Maxim the Greek (16th–17th Centuries)*]. Moscow: Pravoslavnyi Sviato-Tikhonovskii gumanitarnyi universitet Publ., 110 p. (In Russ.)

Ševčenko, I. (1997). 'On the Greek Poetic Output of Maksim Grek', *Byzantinoslavica*. Vol. 58, no. 1, 1–70. (In Eng.)

Zhurova, L. I. (2021). 'The History of Maximus the Greek's Epistles Against Luther (In Defense of Icon Worship)'], *Sibirskii filologicheskii zhurnal*, 4, 56–68. (In Russ.)
Zhurova, L. I. (2022). 'Maksim Grek's Writings against the Jews in His Codices', *Quaestio Rossica*. Vol. 10, 4, 1362–1376. (In Russ.)
Zhurova, L. I., ed. (2020). *Daniil, mitropolit Moskovskii. Sochineniia* [*Daniil, Metropolitan of Moscow. Works*]. Moscow: Indrik Publ., 848 p. (In Russ.)